

Говоря о 80-летию юбилея БДТ имени Георгия Товстоногова, говоришь прежде всего о Товстоногове. В шестидесятые годы этот театр стал взрывом театральной галактики, породившим новую. Поэтому после его смерти переименование театра, "рожденного революцией", воспринималось вполне естественно. И так, слава Товстоногову, возродившему былую культуру и уровень театра. Но душа театра на Фонтанке, суммированная нервной энергией великих актеров, игравших на сцене некогда

Апраксина (Малого) театра, затем Суворинского театра, не успела поглотить его. Здесь Василий Качалов был еще Шверубовичем, а Михаил Чехов — только племянником гениального драматурга. Линия жизни театра — на ладони истории, и составляют ее артистические судьбы. Вера Осокина — одна из них. Артистичка ее жизни проста: 36 лет — актриса БДТ, потом 15 лет — заведующая музеем театра. Она застала на сцене великого Н. Монахова, работала с А. Диким, Б. Бабочкиным, Г. Козинцевым.

ЕЙ ШОСТАКОВИЧ ПОСВЯТИЛ РОМАНС

АКТРИСА ВЕРА ОСОКИНА — О ВЕЛИКИХ МАСТЕРАХ БДТ

Труда. — 1999. — 26 февр. — с. 4

— Вы никогда не хотели уйти из БДТ?

— Когда я сыграла Корделию, Акимов звал к себе. Бывало, Козинцев придет ко мне в гримерку, сядет и начинает: "Вера, что мне делать? Акимов вам золотые горы сулит, весь репертуар!" Но я-то думала, что от добра добра не ищут, и уходила из своего театра не собиралась.

— Вы сами пошли в актрисы, сами неожиданно для всех ушли из профессии. Вы всегда так справлялись со своей судьбой?

— Что такое встреча? Случайность? А оказывается, это судьба. Я верю в судьбу. И не жалею, что резко ушла из профессии. Знаете, как тяжело, когда мучительно ждешь роли, а они приходят к тебе все реже и реже. Это унизительно. Наверно, мой случай единственный, когда благополучная актриса уходит из театра по собственному желанию. Мой муж Николай Павлович Корн, актер этого же театра, понес заявление о моем уходе, лишь только мне исполнилось 55 лет. Так мы с ним решили. Уйти надо вовремя... Хотя у Товстоногова я была на хорошем счету.

— Как можно прийти в юности к уверенности, что будешь драматической актрисой, и только?

— В 19 лет я пришла в студию театра, это был второй набор. А на первом были Ефим Копелян, Крюков Коля. И нас почти сразу выпустили на сцену, в массовку. Я застала в театре саму Клеопатру Каратыгину! Тогда за кулисами была мертвая тишина, все по своим гримеркам, все настраиваются перед спектаклем, никого лишнего. Мы боялись сунуть свой нос, если не валяны, не дай Бог, налетит на Монахова, из театра сразу выгонит. Сейчас за кулисами телевизоры, никакой дисциплины.

— Правда, что Шостакович посвятил вам романс?

— Это была баллада к "Лиру". С нее начинался спектакль. "Королю Лиру" не повезло, премьера состоялась незадолго до начала войны. Театр вернулся из эвакуации в 43-м году, и мы сразу стали играть "Лира". Шостакович — невероятный человек. В том зале, где сейчас малая сцена, обычно были прослушивания актеров. Пианино там стояло, наверно, с суворинских времен, покрытое пылью, почти что в паутине. И вот приходит он, Шостакович. На нем черная шуба на

Они встречались каждый день: бывший художественный руководитель БДТ Георгий Товстоногов и нынешний — Кирилл Лавров.

беличьем подбое с каракулевым воротником. Снял шубенку, спросил, где можно ему сесть. Указали на инструмент. Открыл крышечку, поставил ноты, попробовал и извиняющимся тоном тихо сказал: "К сожалению, пианино в очень плохом состоянии... Ну хорошо, я сыграю, как смогу, приблизительно, но боюсь, у вас не будет никакого впечатления". А потом мне вдруг говорят: "Тебя хочет послушать Дмитрий Дмитриевич: как ты поешь". Я пела во многих спектаклях, но тут так застеснялась Шостаковича, разволновалась и все-таки что-то спела. Дмитрий Дмитриевич сказал: "Все хорошо, мне больше ничего не нужно". Бывало, мы репетируем, а Козинцев взбежит по мостик на сцену: "Гений сидит перед вами, а вы как дохлые мухи!" — А как работал Бабочкин? Вы же и в его "Дачниках" играли.

— Работал он замечательно, резко, энергично, но жестко. Как он исколошмачивал актера! Не было такой репетиции, чтобы я не плакала: хоть в Фонтанке топпись! Да что я, девочка, Полидеймако — первый артист, сила, мужчина — и его мотал. "Сними свои штампы, — кричал. — Ты повторяешься. Где твой талант?" Перед войной Бабочкин переехал в Москву, но собирался вернуться в БДТ. Как он к нам прилетел на бомбардировщике во время войны, в блокадный Ленинград! В 1942 году привез нам продукты. При встрече Жданов сказал ему: "Бо-

рис Андреевич, любой ленинградский театр — ваш".

— А последние ученики школы при БДТ — Стрельчик, Макарова, — изменились ли они как актеры при Товстоногове?

— Больше всех Товстоногову пришелся по душе Копелян. Это был актер его театра. Он и раскрылся при Товстоногове. Я его близко знала, всю войну вместе, дружба была невероятная. Благородный человек. Отзвучивший, но безалаберный, натура бешеная. Савва Морозов — лучшая его роль. Он любил рассказывать анекдоты, знал их миллионы. При этом был неприлично смешлив. При такой суровой внешности. Удивительное в нем было сочетание внешней мрачности, урюмости со смешливостью характера. Он был счастливым человеком!

— А каким был режиссер Дикий?

— Как-то ставил он "Русалку" Пушкина. Интересный был спектакль. Менглет, тот, что теперь в Московском театре сатиры, играл князя. Я — Русалочку. На мне был купальник телесного цвета и сверху наброшено что-то вроде длинной тины или водорослей. Собственно, Русалочка моя была вроде голенькая. От волнения я и не замечала, что всякий раз на мой выход за кулисами собиралась толпа мужчин. И вот однажды я увидела красного от возмущения Дикого, который разогнал толпу: "Если еще раз увижу, что встречают Осокину, уволью!" А на премьеру мне поднесли от Дикого огромное блюдо с конфетами и фруктами.

Репетировал он замечательно. Никогда не напускал на себя зверя. В нем была такая огромная внутренняя мощь, и это была очень русская натура. Понимаете, режиссеров-живодеров довольно много. Они губят актеров, и талантливых тоже. Ведь актер — сосуд хрупкий... У него были потрясающие "Мещане" Горького. Его же и арестовали у нас. Тоже, как и Анна Радлова, ни за что пострадал. А потом как он тяжело умирал...

Театр — дело жестокое. И жестокое... И сладкое. Нынче другой век, другие люди. И таких гигантов, такой породы особой уже не сыскать!

Беседу вел
Марина ЗАБОЛОНЬЯ.